

Великая Отечественная: Неизвестная война

ЛЕНИНГРАДСКАЯ БОЙНЯ

Владимир Бешанов

**СТРАШНАЯ ПРАВДА
О БЛОКАДЕ**

Никакой обороны не было!

Великая Отечественная: Неизвестная война

Владимир Бешанов

**Ленинградская бойня.
Страшная правда о Блокаде**

«Яуза»

2010

Бешанов В.

Ленинградская бойня. Страшная правда о Блокаде /
В. Бешанов — «Яуза», 2010 — (Великая Отечественная:
Неизвестная война)

Самая «неудобная» и скандальная книга популярного историка. Продолжение бестселлеров «Кроваво-Красная Армия» и «Танковый погром 1941 года». Новый взгляд на трагедию Ленинградской Блокады. Страшная правда о самом долгом и жестоком побоище Великой Отечественной, продолжавшемся более двух лет и унесшем миллионы жизней. Опровергая официальную советскую версию «обороны Ленинграда», эта книга доказывает, что на самом деле никакой обороны не было, что битва за Ленинград – «это одно сплошное наступление Красной Армии, немыслимо кровавое, безуспешное, зачастую бессмысленное. Участвовавшие в этой бойне войска Ленинградского и Волховского фронтов не оборонялись никогда. Они непрерывно наступали. Месяцами атакующие на одних и тех же направлениях, советские армии несли огромные потери, которые увеличивались десятикратно за счет необученности наших войск, слабой профессиональной подготовки отцов-командиров и пренебрежения к человеческой жизни. Битва за Ленинград продолжалась три года и обошлась нам в три миллиона убитых, пропавших без вести, получивших ранения военнослужащих. Еще один миллион погиб в самом городе...» Эта книга впервые проливает свет на самую страшную бойню Второй Мировой, которая по уровню потерь превзошла даже печально известную «Ржевскую мясорубку», – до сих пор окрестности Ленинграда, где полегли миллионы наших бойцов, представляют собой огромное кладбище, охватывающее город в радиусе десятков километров...

© Бешанов В., 2010

© Яуза, 2010

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Владимир Бешанов

Ленинградская бойня.

Страшная правда о Блокаде

ПРЕДИСЛОВИЕ

БЛОКАДА – особая форма ведения военных действий, которая заключается в изоляции блокируемого объекта путем нарушения его внешних связей. Целями блокад являются: принуждение противника к капитуляции, подрыв военно-экономической мощи вражеского государства, истощение сил и средств блокируемой группировки вооруженных сил противника и создания благоприятных условий для ее последующего разгрома и овладения объектом блокады.

Всем известно, что город на Неве собирались удушить блокадой. Даже не овладеть, а просто уничтожить, не принимая капитуляции. О блокадном Ленинграде написано множество книг. В основном о стойкости его жителей, о бомбежках, артобстрелах, голоде, Дороге жизни, о радости прорыва и повышения хлебного пайка. Но крайне мало вразумительного о военных аспектах ленинградской битвы, за исключением первой фазы операция «Искра».

Германская армия, по определению, применила «особую форму» ведения военных действий, она устанавливала блокаду. А чем занималась Красная Армия? Говорить, что «оборонной Ленинграда», неверно, опять же, по классическому определению, данному еще профессором А.И. Верховским: «Бой называется оборонительным, когда войска, расположившись на месте, добровольно уступают неприятелю инициативу действий и за счет выигранного таким образом времени производят: 1) заблаговременную организацию огня; 2) укрепление местности и маскировку; 3) подготовку встречных ударов. Такая предварительная организация позволяет меньшими силами связать крупные силы врага, а освободившиеся за счет обороны силы использовать для нанесения решающего удара там, где старший начальник хочет добиться победы».

Под Ленинградом все было наоборот: советские войска не стояли на месте, инициативу противнику не уступали и обладали силами, гораздо более крупными, чем враг.

«Война за Ленинград» – это уникальное в своем роде сражение, это одно сплошное наступление, немыслимо кровавое, безуспешное, зачастую бессмысленное. Участвовавшие в этой войне войска Ленинградского и Волховского фронтов не оборонялись никогда. Они непрерывно наступали, а немцы по большей части вели «оборонительный бой», связывая «крупные силы врага». Месяцами атакующие на одних и тех же направлениях советские армии всегда численно превосходили врага и, вполне в соответствии с военной теорией, несли большие потери. Эти потери увеличивались десятикратно за счет необученности наших войск, слабостью профессиональной подготовки отцов-командиров и пренебрежения к человеческой жизни. «Старшие начальники» очень хотели добиться победы, посему битва продолжалась три года и обошлась нам в три миллиона убитых, пропавших без вести, получивших ранения военнослужащих. Еще один миллион погиб за это время в самом городе.

Тайну того, как это у них получилось, наши самые именитые полководцы унесли с собой в могилу, а советские историки писали «истории» на основе их мемуаров, из которых можно почерпнуть байки о героизме красноармейцев, вырубавших топором немецкие танки вместе с экипажами или под ураганным огнем искавших на нейтральной полосе потерянный партийный билет, но порой трудно даже разобрать, с кем данный генерал воевал. Большинство из них, складывается впечатление, были по жизни пацифистами и, увлеченные карьерой, мало

интересовались военным делом. К примеру, генерал Попов, командовавший 70-й армией, все этапы операции «Багратион» помнил только по организованным в честь освобождения того или иного города банкетам.

Лишь в последнее десятилетие был опубликован ряд документов на тему ленинградского сидения, переведены воспоминания участников событий с той стороны. И относительно совсем недавно благодаря современным питерским энтузиастам появилась возможность увидеть войну снизу, «с точки зрения солдата, ползущего на брюхе по фронтовой грязи, а иногда и уткнувшего нос в эту грязь». Их осталось мало, но те, кто остался, надеются, что мы их услышим.

Глава 1

Разгром РККА в Прибалтике

(июнь – август 1941 года)

Как известно, план «Барбаросса» предусматривал одновременное нанесение сокрушающих ударов на трех стратегических направлениях: Ленинградском, Московском и Киевском. При этом взятие Ленинграда и овладение побережьем Балтийского моря рассматривалось как важнейшая цель наступления вермахта.

Нацистское руководство, стремясь захватить «колыбель русской революции», учитывало не только стратегическое, но и огромное политическое и экономическое значение города на Неве. Здесь находились ведущие заводы важнейших отраслей промышленности, в том числе машиностроительной, авиадвигательной, радиотехнической, судостроительной, танковой, электромеханической, оптической и других. Примерно 75 % выпускаемой продукции приходилось на оборонный комплекс. Кроме того, Ленинград являлся и крупнейшим транспортным узлом. Успех на этом направлении позволял немцам добиться господства в обширном регионе от Прибалтики до Скандинавии, обеспечивал морские пути для вывоза в Рейх шведской руды и финского никеля, устанавливал контакт на сухопутном театре с потенциальным союзником в войне – Финляндией.

Для наступления на Ленинград в Восточной Пруссии была развернута группа армий «Север» под командованием генерал-фельдмаршала Риттера Вильгельма фон Лееба в составе 18-й и 16-й полевых армий и 4-й танковой группы. Группа «Север» имела 29 дивизий, в том числе 3 танковые и 3 моторизованные, в которых насчитывалось 787 тысяч человек личного состава, 8348 орудий и минометов, 679 танков и штурмовых орудий. Действия наземных сил должны были поддерживать 830 самолетов 1-го воздушного флота генерал-полковника Келлера, в их числе 203 истребителя и 271 бомбардировщик. Директивой № 21 от 18 декабря 1940 года войскам фон Лееба ставилась задача уничтожить находившиеся в Прибалтике части Красной Армии и, овладев портами Балтийского моря, Ленинградом и Кронштадтом, лишить советский флот опорных пунктов. В рамках этой задачи группа армий «Север» наносила главный удар в направлении Двинска (Даугавпилса), выдвигая как можно быстрее свое усиленное правое крыло в район северо-восточнее Опочка с целью не допустить отхода советских войск из Прибалтики. К нанесению первоначального удара на северо-западном направлении привлекалась и часть сил группы армий «Центр», размещенных в Восточной Пруссии: два армейских корпуса 9-й полевой армии и 3-я танковая группа.

Вся немецкая группировка, сосредоточенная на границе Литвы, насчитывала 43 дивизии, в том числе 7 танковых и 6 моторизованных, свыше 13 тысяч орудий и минометов, около 1500 танков и более 1000 самолетов.

С советской стороны группе армий «Север» противостояли войска Прибалтийского особого военного округа под командованием генерал-полковника Ф.И. Кузнецова, до 1941 года ничем выше полка не командовавшего, составившие с началом войны Северо-Западный фронт. В его 8, 11 и 27-й армиях имелось 25 дивизий, в том числе 4 танковые и 2 механизированные, 1 стрелковая и 3 воздушно-десантные бригады – 440 тысяч человек, 7467 орудий и минометов, 1514 танков, 1814 самолетов.

На территории Восточной Финляндии разворачивались три группировки: немецкая армия «Норвегия», финские Юго-Восточная и Карельская армии. Немцы должны были продвигаться на ухтинском, кандалакшском и мурманском направлениях, а финны – на Карельском перешейке и севернее его, чтобы соединиться с войсками группы армий «Север» в районе Ленинграда и на реке Свирь. На финские части возлагалась также ликвидация советской

базы на полуострове Ханко и прикрытие армии «Норвегия» с юга. Всего в Финляндии было сосредоточено 21,5 расчетных дивизий, в которых насчитывалось 407,5 тысячи человек, 3084 орудий и минометов, 192 танка и 424 самолета 5-го воздушного флота и финских ВВС (впрочем, участие финнов в войне против Советского Союза еще стояло под вопросом).

Таким образом, германское командование рассчитывало захватить Ленинград двойным ударом: с севера – финскими войсками, с юга – силами немецкой группы армий «Север». При этом германский Генштаб понимал, что наличных сил вермахта может не хватить для успешных действий сразу на всех стратегических направлениях. Поскольку Гитлер считал овладение Ленинградом «неотложной задачей», в плане «Барбаросса» была заложена идея остановки наступления группы армий «Центр» на рубеже Днепра и переброски части ее сил на север для победоносного завершения операции по овладению Северной столицей СССР. **Наступление на Москву – мечта германского генералитета – до взятия Ленинграда не планировалось.**

Защиту «города имени великого Ленина» с суши, в первую очередь от посягательств со стороны «фашистской» Финляндии, должны были обеспечить войска Ленинградского военного округа под командованием генерал-лейтенанта М.М. Попова. Они насчитывали 15 стрелковых дивизий, средняя укомплектованность которых составляла 12 тысяч человек и была значительно выше, чем в других приграничных округах. Артиллерийские части стрелковых соединений были полностью укомплектованы личным составом и боевой техникой. Накануне войны округ имел 436 тысяч бойцов и командиров, 9599 орудий и минометов, в его состав входили 1-й и 10-й механизированные корпуса. Бронетанковые войска в июне 1941 года насчитывали 1857 танков и 514 бронемашин, а военно-воздушные силы – 2104 самолета. Кроме того, на северо-западном направлении находилось 656 самолетов ВВС Балтийского флота (в том числе 172 бомбардировщика и 353 истребителя) и 115 самолетов Северного флота. Шесть артиллерийских полков 2-го корпуса ПВО, прикрывавшие Ленинград, имели на вооружении около 600 новых 85-мм зенитных орудий. Две истребительные дивизии (3-я и 54-я), выделенные для ПВО города, насчитывали 200 самолетов. С 19 июня из частей истребительной авиации началось формирование 7-го авиакорпуса ПВО.

Балтийский флот имел в своем составе 2 линейных корабля, 2 крейсера, 2 лидера, 21 эскадренный миноносец, 66 подводных лодок, 6 минных заградителей, 33 тральщика, 7 сторожевых кораблей, 48 торпедных катеров и ряд вспомогательных судов. В береговой обороне насчитывалось 424 орудия крупных калибров. В системе ПВО флота имелось 352 орудия. Всем этим хозяйством руководил вице-адмирал В.Ф. Трибуц, за два года чистки в вооруженных силах шагнувший с мостика эсминца на должность командующего флотом, «по пути» отметившись на штабных постах, – четвертый флагман за четыре с половиной предвоенных года. Товарищ Сталин не боялся смело выдвигать новые кадры, впрочем, как и без колебаний их задвигать.

В общем, силы наши были немалые, и рассказы советских маршалов о количественном превосходстве противника – сказки для советских же граждан, от которых вышеприведенные цифры скрывали полвека как величайший государственный секрет. В силу означенной причины бывший начальник Генштаба маршал А.М. Василевский мог авторитетно рассуждать о «целых армадах фашистской авиации» и трехкратном превосходстве группы армий «Север» с 679 танками и 830 самолетами над Прибалтийским округом, имевшим 1514 танков и 1814 самолетов. Надо же было как-то объяснить, почему начало войны для войск как Северо-Западного фронта, так и всей «непобедимой и легендарной» ознаменовалось серией катастрофических поражений.

Уже к концу 22 июня 1941 года немцы, продвинувшись на 20–70 км, захватили переправы через Неман. Советская оборона оказалась прорванной на нескольких направлениях, система связи нарушена, централизованное управление войсками потеряно. Войска генерала

Ф.И. Кузнецова, не ориентировавшиеся в реальной обстановке и не взаимодействовавшие между собой, пытались осуществить довоенные планы по освобождению заграничных пролетариев от гнета тамошних капиталистов и помещиков. Авиация, вместо того чтобы поддерживать наземные силы, совершала налеты на объекты в Восточной Пруссии и, в условиях хорошо организованной системы ПВО противника, несла большие потери. Механизированные корпуса получили приказ нанести контрудар в полосе 8-й армии генерал-полковника П.П. Собенникова вдоль шоссе Шяуляй – Тильзит. В трехдневном встречном сражении с 41-м моторизованным корпусом генерала Георга Рейнгардта (1-я и 6-я танковая, 36-я моторизованная, 269-я пехотная дивизии – около 400 танков), советские 12-й и 3-й мехкорпуса, действовавшие без поддержки пехоты, авиации, тылового обеспечения и связи друг другом, были разгромлены, потеряв почти 1300 танков. В донесении начальника автобронетанкового управления Северо-Западного фронта от 2 июля говорилось: *«3-й механизированный корпус не существует. Остатки 12-го механизированного корпуса и остатки личного состава 3-го механизированного корпуса необходимо вести вместе, расположив их в районе города Луга для нового формирования»*.

Разбив советские части, Рейнгардт бросил свой корпус к Двине.

Дивизии 11-й армии генерал-лейтенанта В.И. Морозова также не выдержали сосредоточенного удара бронетанковых кулаков. Армия, понесшая тяжелые потери и рассеченная на две части, начала откатываться на северо-восток. Направление Каунас, Двинск оказалось практически без прикрытия. Сюда вклинились 8-я танковая и 3-я моторизованная дивизия из 56-го корпуса генерала Эриха фон Манштейна, насчитывавшие около 200 танков.

Под давлением соединений 4-й танковой группы, поддержанных бомбардировочной авиацией, войска Северо-Западного фронта отходили по расходящимся направлениям: дивизии 8-й армии – к Риге, части 11-й армии – на Свентяны, Дисну. Требовалось проведение срочных мероприятий по организации обороны на реке Западная Двина и ликвидации прорыва на центральном участке фронта.

Оборону на рубеже Двины решено было организовать силами армии генерала Собенникова и выдвигаемой из глубины 27-й армии под командованием генерал-майора Н.Э. Берзарина. Согласно приказу командующего фронтом 8-я армия, в которую входили остатки 10-го, 11-го стрелковых корпусов и 202-й механизированной дивизии, должны были занять оборону на рубеже от Риги до Ливани. Левее от Ливани до Краславы отступали соединения 16-го стрелкового корпуса. Для объединения действий этих соединений комфронта решил выдвинуть вперед управление 27-й армии с частями обслуживания. Штаб генерала Берзарина на автомобилях перебазировался в район Резекне и с вечера 28 июня вступил в командование частями на даугавпилском направлении. Из Московского военного округа Ставка перебрасывала сюда недоукомплектованный 21-й механизированный корпус генерал-майора Д.Д. Лелюшенко – «всего» 175 танков и 129 орудий. Однако генерал Берзарин не успел организовать оборону до подхода противника.

Уже утром 26 июня, на четвертый день войны, 8-я танковая дивизия генерала Брандербегера, преодолев около 400 км, прорвалась к Даугавпилсу, захватила неповрежденными два больших моста через Западную Двину и заняла плацдарм на правом берегу. На следующий день реку форсировала 3-я мотодивизия генерала Яна. 28 июня немцы успешно отбили контратаку корпуса Лелюшенко и брошенного в «пехотный бой» 5-го воздушно-десантного корпуса, оттеснив их на 40 км от Даугавпилса. Генерал Манштейн всей душой стремился продолжить лихой рейд по советским тылам, но командующий танковой группой приказал ему остановиться. Гёпнер опасался, что 56-й моторкорпус, оторвавшийся от основных германских сил на 100–130 км, может оказаться в окружении, и потому решил подождать выхода к Двине войск 16-й армии генерал-оберста Эрнста Буша и корпуса Рейнгардта.

В полосе обороны 8-й армии до 29 июня противник активных боевых действий не вел, подтягивая войска к Западной Двине. Отдельные советские части прорывались на восток, в частности остатки 12-го механизированного корпуса, в котором еще имелось около 40 танков, отошли за реку в районе Риги. Штаб корпуса, потерявший связь с высшим командованием и собственными частями, был в этот день окружен в лесах южнее Борисели и уничтожен немцами. Командир корпуса генерал-майор Н.М. Шестопалов попал в плен и умер от ран 6 августа в лагере военнопленных в Шяуляе.

29 июня 41-й моторизованный корпус форсировал Двину в районе Крустпилса. А 30 июня передовым отрядом 26-го армейского корпуса 18-й армии генерал-oberста Георга фон Кюхлера были захвачены мосты в Риге. Все это исключительно осложнило положение 8-й советской армии, которая отступала на правый берег медленнее, чем наступал противник. 1 июля немцы заняли Ригу.

В период с 29 июня по 1 июля командование группы армий «Север» накапливало силы на плацдармах для последующего наступления и приводило соединения в порядок. Согласно приказу Верховного командования сухопутных войск (ОКХ) соединения 4-й танковой группы должны были повести стремительное наступление через Резекне в направлении на Остров и Псков с целью отрезать советским войскам путь отхода южнее Чудского озера. Корпус Манштейна за это время полностью сосредоточился в районе Даугавпилса, включив в себя третье моторизованное соединение – дивизию СС «Мертвая голова»; корпус Рейнгардта – в районе Крустпилса. Одновременно к Двине подтянулась пехота 18-й и 16-й армий. Всего в конце июня в группе армий «Север» насчитывалось 25 дивизий, в том числе 3 охранные, входившие в состав 101-го тылового корпуса.

Казалось бы, у командования Северо-Западного фронта появилась возможность укрепить свои позиции и организовать прочную оборону за водной преградой. Этого больше всего опасался Манштейн: «...после внезапного рейда корпуса на Даугавпилс прошло уже шесть дней. Противник имел время преодолеть тот шок, который он получил при появлении немецких танков на восточном берегу Двины». Однако советское командование делало одну ошибку за другой. Вначале войскам 24-го и выделенного из резерва Ставки 41-го стрелковых корпусов 29 июня было приказано сосредоточиться в районах Виляка, Остров, доукомплектоваться и быть готовыми нанести контрудар на Даугавпилс с целью восстановления обороны 27-й армии по Западной Двине. На другой день это решение было отменено и принято другое. Кузнецов отдал приказ на отход в Псковский, Островский и Себежский укрепленные районы. Войска приступили к исполнению этого приказа. Видимо, это было самое правильное решение в данной обстановке.

1 июля немцы не вели активных боевых действий. Советская фронтовая разведка доложила, что численность войск противника на даугавпилском плацдарме составляет около пехотной дивизии, усиленной танками. Узнав об этом и учитывая требования Ставки о ликвидации вражеских плацдармов, генерал Кузнецов отменил свой приказ от 30 июня и вновь велел войскам подготовиться к наступлению, которое должно было начаться 2 июля. На подготовку отводилось девять часов, исходное положение для удара надо было занять к 10 часам утра. 8-й армии надлежало ликвидировать крустпилский плацдарм, 27-й – уничтожить противника в районе Даугавпилса.

В армиях в первую очередь приняли меры к тому, чтобы остановить отход войск и вернуть части на рубеж Западной Двины в ранее занимаемые ими районы. Утром 2 июля войска фронта все еще находились в движении и не были готовы ни к наступлению, ни к обороне. В 5 часов утра при поддержке всей авиации нанесли свой удар немцы. В итоге советским армиям так и не удалось закрепиться на рубеже реки Западная Двина, их остатки с арьергардными боями отходили по расходящимся направлениям: 8-я армия – в Эстонию, 27-я – на восток, к реке Великая, 11-я – в районе Невеля. Завершался полный разгром Северо-Западного фронта.

На псковском направлении образовалась брешь, в которую устремилась 4-я танковая группа. К исходу дня немецкие подвижные соединения, продвигаясь по шоссе Даугавпилс – Остров, вышли в район 20–25 км южнее Резекне и на следующий день заняли город.

Следя за развитием событий на данном направлении, Ставка Главного командования еще 29 июня дала указание заблаговременно организовать оборону на рубеже река Великая и прочно закрыть направление на Ленинград. Она приказала сосредоточить в районах Псков, Остров, Порхов 22, 24, 41-й стрелковые и 1-й механизированный корпуса. Опираясь на укрепленные районы, эти соединения должны были подготовить прочную оборону на ленинградском направлении.

1-й мехкорпус, которым командовал генерал-майор М.Л. Чернявский, был полностью укомплектован и поначалу имел 1039 танков. Однако к моменту развертывания боевых действий на псковско-островском направлении он был раздерган по частям и потерял свое значение как крупное подвижное соединение. Его 1-я Краснознаменная танковая дивизия была переброшена на Северный фронт, а 163-я механизированная переподчинена командованию 27-й армии. Фактически у генерала Чернявского оставалась только 3-я танковая дивизия генерал-майора И.М. Кузнецова, разместившаяся в лесах в 20 км северо-западнее Пскова, но и из ее состава один танковый и один механизированный полки были переданы 41-му стрелковому корпусу.

41-й корпус под командованием генерала И.С. Кособуцкого в составе 90, 111, 118 и 235-й стрелковых дивизий с 1 июля начал выгружаться на станциях Псков, Карамышево, Черская. По окончании сосредоточения он должен был занять Старо-Псковский, Ново-Псковский и Островский укрепрайоны. Все его дивизии были полностью укомплектованы личным составом, но, как и абсолютное большинство соединений Красной Армии, не имели инженерного имущества и средств связи, во всяком случае, радиостанций не было ни одной. 22-й стрелковый корпус сосредоточивался в районе Порхова, 24-й – в районе Острова.

Вечером 3 июля генерал Собенников неожиданно получил с мотоциклистом предписание вступить в командование Северо-Западным фронтом. 8-ю армию у него принял генерал-лейтенант Ф.С. Иванов. В этот же день на должность начальника штаба фронта был назначен генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин. Прежнее командование сгинуло в окружении, и о его судьбе ничего не было известно. Позже выяснилось, что генерал-полковник Ф.И. Кузнецов остался жив и в конце июля выбрался к своим.

Тем временем танковая группа Гёпнера разделилась: корпус Манштейна, передав 3-ю мотодивизию в подчинение генерала Рейнгардта, резко повернул в направлении Себеж, Опочка; 41-й моторизованный корпус наносил удар на Остров. Немцы выигрывали в темпе: оборону в Островском районе занимали лишь 154-й отдельный пулеметный батальон и 398-й стрелковый полк 118-й дивизии, не имевшие артиллерии, гранат, противотанковых мин. Сюда должна была прибыть 235-я стрелковая дивизия, но ее эшелоны, следовавшие от Иванова, задерживались в пути. Между тем утром 4 июля 1-я танковая дивизия генерал-лейтенанта Кирхнера достигла южной окраины Острова, с ходу форсировала реку Великая и к вечеру овладела городом. Маневр был значительно облегчен тем, что русские вновь не успели взорвать автомобильный и железнодорожный мосты, захваченные немецкими мотоциклистами. Советские части, вступавшие в бой с колес, противостоять противнику не смогли и поспешно оставили оборонительные позиции. 56-й моторкорпус в это время, с трудом преодолевая болотистую местность, продвигался к Себежскому укрепрайону, в котором закрепились части 21-го механизированного корпуса генерала Лелюшенко.

Оценив обстановку, Собенников приказал командирам 41-го стрелкового и 1-го механизированного корпусов с рассветом 5 июля уничтожить немецкие части в районе Острова и восстановить оборону по реке Великая. Генерал Ватутин в телефонном разговоре предупредил генерала Кособуцкого: «Имейте в виду, ликвидация и уничтожение врага возлагаются персо-

нально на вас, под вашу личную ответственность. За выполнение этого приказа вы отвечаете своей головой». Для решения поставленной задачи был выделен 468-й стрелковый полк 111-й дивизии и 3-я танковая дивизия с тяжелыми машинами КВ-1 и КВ-2.

В 16.00 советские танкисты ворвались в город, обратив противника в бегство. На следующий день бои в районе Острова разгорелись с новой силой и приняли еще более ожесточенный характер. Однако, по уже ставшей традицией привычке, красные командиры не организовали взаимодействие, вследствие чего дрались в отрыве друг от друга. То есть танки без пехоты, пехота без танков, и каждый сам по себе. Поэтому закрепить успех им не удалось. Дважды танкисты врываются в Остров, потеряли в атаках 140 боевых машин, но без поддержки пехотных соединений удержать его не смогли. Немцы, подтянув дополнительные силы, сломили 6 июля сопротивление обескровленных советских частей и вынудили их к отходу. 1-я танковая дивизия начала быстро продвигаться на Псков, а 6-я – на Порхов.

В докладной записке на имя члена Военного совета Северо-Западного фронта корреспондент «Красной Звезды» М. Косарев писал: «...командир 5-го танкового полка Посенчук рассказывал о бое за Остров. Из его рассказа следует, что сил у немцев на островском направлении очень мало и что захват города нашими частями сорвался только лишь потому, что с поля боя постыдно дезертировала 111-я стрелковая дивизия, ее командиры бежали первыми, споров петлицы и сняв знаки различия. Наших сил под Островом сосредоточено очень много, но все они действуют вразнобой, не осуществляя никакого взаимодействия».

После оставления Острова наши дивизии отходили к Пскову. 7 июля германским танкам удалось прорваться через боевые порядки корпуса Кособуцкого и стремительно выдвинуться к южным окраинам города. Для ликвидации этого прорыва советское командование утром 8 июля приказало 41-му стрелковому и 1-му механизированному корпусам нанести контрудар и уничтожить противника. Однако, пока они готовились к контратаке, германские войска в 12 часов дня возобновили наступление. Соединения 41-го моторкорпуса обрушились на части 41-го стрелкового, которые вынуждены были беспорядочно отойти за реку Великая. К этому времени артиллерия советских стрелковых дивизий осталась без боеприпасов, личный состав был деморализован видом отступавших на восток через их боевые порядки тылов 8-й и 27-й армий и нередко самовольно оставлял позиции, присоединяясь к бегущим. Положение усугублялось безнаказанностью действий вражеской авиации. Остатки 1-го мехкорпуса отступали к Порхову.

Весь этот погром немцы учинили силами трех дивизий!

Правда, им не удалось ворваться в Псков с ходу. На этот раз мосты через реку Великая и ее притоки русские успели взорвать, не дожидаясь даже отхода своих частей. Оставшиеся на западном берегу подразделения 118-й, 111-й стрелковых дивизий и 25-го укрепрайона, бросив всю технику, форсировали реку на подручных средствах. Ни о какой организованной обороне уже не могло быть и речи.

8 июля генерал Собенников приказал войскам фронта перейти к упорной обороне на рубеже Псковский укрепрайон – река Великая – река Череха – Опочка. Одновременно с этим он потребовал создать группировки на флангах порховского направления для нанесения контрудара с целью уничтожения прорвавшегося противника. Такие маневры в советской военной науке получили название «активная оборона». Генералу В.И. Морозову, уже растерявшему все войска 11-й армии, 9 июля было приказано прибыть в Дно и объединить под своим командованием усилия 41-го, 22-го стрелковых и 1-го механизированного корпусов.

И снова немцы опередили. К вечеру 9 июля моторизованный корпус Рейнгардта обошел Псков с востока и начал развивать наступление на Лугу. Никем не управляемые войска 41-го советского корпуса разбежались. Его разрозненные части, потерявшие связь с вышестоящими штабами, были обнаружены командованием только 13 июля под Стругами Красными и Лугой.

Причем войска Северо-Западного фронта ретировались со столь завидной быстротой, что глубокомысленный противник воспринимал их действия как продуманный заранее и хорошо отработанный маневр. Генерал Эрхард Раус писал:

«Обычно когда русские терпели поражение на широком фронте, они восстанавливали свои линии, только отступив на значительное расстояние. Они передвигались очень быстро, даже если отступали большими силами... Когда они решали отступать, они делали это одним рывком, а потом немедленно переходили к активной обороне. Когда наши танковые дивизии прорывали фронт и начинали преследование вдоль дорог, русские очень умело исчезали на пересеченной местности. Отступив, они отрывались и снова быстро собирались вместе. Поэтому русских можно считать мастерами отступлений. Например, к югу от Ленинграда 6-я танковая дивизия захватила несколько пленных из тех же полков 125-й стрелковой дивизии, с которой мы впервые столкнулись, когда пересекали границу в Таурогге. Русские сумели отступить на 500 миль!»

Однако высокое советское начальство «мастерство отступления» своих войск не оценило. Генерал И.С. Кособуцкий и отвечавший за оборону Пскова командир 118-й стрелковой дивизии генерал-майор Н.М. Гловацкий «за трусость, бездействие власти, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций» пошли под трибунал – отвечать головой.

К этому времени стало ясно, что Манштейну с двумя дивизиями не прорвать Себежский укрепрайон, и его войска были переброшены обратно в район Острова.

Падение Пскова означало, что группа армий «Север» успешно выполнила первую половину своей стратегической задачи, вторгшись подвижными соединениями в пределы Ленинградской области. Сражение в Прибалтике, в котором приняли участие 40 советских дивизий, в том числе 7 танковых и 4 механизированные, было Красной Армией проиграно вчистую. Ее потери составили почти 90 тысяч человек (по большей части пленными), 2523 танка (по 140 машин в сутки), 3651 орудие и миномет, 990 боевых самолетов. Советские войска отступили на 400–450 км, корабли Балтийского флота вынуждены были перебазироваться из Либавы и Вентспилса в Таллин.

8 июля 1941 года в Ставке фюрера прошло совещание Верховного главнокомандования германских вооруженных сил (ОКВ), на котором одним из главных обсуждавшихся вопросов был вопрос о наступлении вермахта на Ленинград и начале наступления финских войск с севера. Гитлер утвердил предложенный начальником Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковником Францем Гальдером план дальнейших действий, подчеркнув при этом необходимость отрезать Ленинград с востока и юго-востока силами 4-й танковой группы генерала Гёпнера. Именно на этом совещании фюрер объявил свое твердое решение «сровнять Москву и Ленинград с землей, чтобы воспрепятствовать там остаться населению, которое мы должны будем кормить зимой». Уничтожение двух столиц России, по разумению Гитлера, символизировало победу «высшей расы» и должно было нанести в сердца «недочеловеков» неотразимый морально-психологический удар, вызвать «народное бедствие, которое лишит центров не только большевизм, но и русских вообще».

В условиях непосредственной угрозы выхода противника к Ленинграду советская Ставка решила привлечь для защиты юго-западных и южных подступов к городу часть сил Северного фронта. 4 июля генерал М.М. Попов получил приказ организовать глубоко эшелонированную оборону на рубеже по реке Луга от Финского залива до озера Ильмень. Ставка потребовала создать на этом рубеже предполье глубиной 10–15 км со сплошными заграждениями, оставив лишь пути отхода для войск Северо-Западного фронта. На Лугу к 10 июля были спешно выдвинуты 177-я и 191-я стрелковые, 24-я танковая дивизии, 1-я отдельная горнострелковая бригада, ленинградские стрелково-пулеметное и пехотное училища и почти все артиллерийские полки РГК, объединенные в Лужскую оперативную группу во главе с заме-

стителем командующего фронтом генерал-лейтенантом К.П. Пядышевым. По воспоминаниям маршала артиллерии Г.Ф. Одинцова, Константин Павлович Пядышев – «талантливый военачальник строго придерживался суворовских принципов обучения войск, обладал исключительным даром интуиции и предвидения, так много значащих в бою», – выдвинув передовые отряды к реке Плюссе, немедленно приступил к созданию прочных заслонов на Киевском шоссе и по обеим сторонам Варшавской железной дороги.

В Лужскую группу включались и отходившие на север части 41-го стрелкового корпуса. В целях централизации боевой деятельности авиации военно-воздушные силы Северного и Северо-Западного фронтов, Балтийского флота и 7-й авиакорпус ПВО были подчинены единому командованию в лице генерала А.А. Новикова.

Руководство военными действиями Северного, Северо-Западного фронтов, Балтийского и Северного флотов с 10 июля осуществлялось Главным командованием Северо-Западного направления во главе с «первым маршалом» К.Е. Ворошиловым. Штаб направления поспешно сколотили в основном из преподавателей академий.

Еще 27 июня 1941 года Военным советом Северного фронта было принято постановление о привлечении жителей Ленинграда и его пригородов к трудовой повинности. Каждый ленинградец «обоого пола», не связанный с военным производством, направлялся на строительство оборонительных сооружений. Ежедневно работало около 150 тысяч человек. За уклонение от трудовой повинности полагалось шесть месяцев тюремного заключения или штраф до 3000 рублей.

Основная тяжесть в деле создания фортификаций выпала на плечи женщин. Они рыли траншеи, окопы, противотанковые рвы и эскарпы, устраивали лесные завалы. Немецкие летчики разбрасывали над ними листовки: «Дамочки! Не копайте ямочки! Все равно пройдут наши таночки!» Если верить мемуарам партийного пропагандиста А.Д. Огорокова, листовки вызывали смех. Так прямо и шпарит генерал-комиссар: женщины, оставившие дома детей, с лопатами и кирками роют противотанковый ров. Под самым Ленинградом. В тувельках. Над ними пролетают немецкие самолеты, иногда они сбрасывают листовки, чаще бомбы. Проходят мимо разбитые советские дивизии, бегущие от германских «таночков». Всем весело: «Под Лугой меня окружили смеющиеся женщины... Я тоже не мог не рассмеяться».

На улицах возводились баррикады, все гражданские стройки были свернуты, чтобы нацелить людские и технические ресурсы на создание военно-инженерных сооружений, прежде всего Лужской линии обороны. На ближних подступах к городу с юго-запада и юга строились Красногвардейский и Слуцко-Колпинский укрепленные районы, на севере совершенствовался Карельский УР. Пояс оборонительных сооружений с узлами сопротивления создавался также по линии Петергоф – Пулков.

Наряду с призывом военнообязанных с 29 июня развернулось форсированное создание в помощь кадровым частям Ленинградской армии народного ополчения численностью в 200 тысяч человек. Военный совет фронта поначалу просил 100 тысяч «физически выносливых и политически надежных» добровольцев в возрасте от 18 до 35 лет. Ленинградский партийный вожь и член Военного совета направления А.А. Жданов своей рукой увеличил «квоту» вдвое, а возраст до 50 лет. Будучи хорошо информирован, цену боеготовности Красной Армии и лозунгу про победу «малой кровью» он узнал еще в финской кампании. Советские полководцы в 30-е годы были приведены к похвальному послушанию и единообразию, воспитаны в беспредельной преданности делу Ленина – Сталина, но владели только одним тактическим приемом – залить врага кровью красноармейцев по самые ноздри.

Были организованы Военный совет и штаб ЛАНО. Командующим армией назначили генерал-майора А.И. Субботина. 4 июля приняли решение сформировать 15 дивизий народного ополчения с количественным составом 12 тысяч человек и **немедленно** отправить их на фронт. Обязанность по отбору добровольцев возлагалась на райкомы партии. К 10 июля было

набрано 110 тысяч человек. Большинство ополчения составили рабочие предприятий, представители интеллигенции и студенчества. В добровольцы вступили 80 ленинградских писателей и композитор Д.Д. Шостакович. В короткий срок в Кировском, Московском, Дзержинском, Куйбышевском и Фрунзенском районах были сформированы первые три дивизии совокупной численностью в 31 тысячу человек и 15 отдельных артиллерийско-пулеметных батальонов – около 15 тысяч человек.

Поспешность, с которой создавались эти формирования, не могла не отразиться на их качестве. Ополченцы почти не имели тяжелого вооружения, количество пулеметов в подразделениях было гораздо ниже штатного, поскольку формировавшие дивизии территориальные районы сами, в силу возможностей, и обеспечивали их снаряжением, оружием и боевой техникой. Бойцы получали в руки залежавшиеся на складах винтовки канадского производства, иногда учебные – с просверленной казенной частью, иногда – и вовсе ничего. В принципе это не имело значения, поскольку на передовой патронов к ним было взять негде.

Личный состав, демонстрировавший исключительно высокий моральный дух, никакой военной подготовки не имел, многие не служили в армии и никогда не держали в руках оружие (1-я дивизия народного ополчения на 60 % состояла из запасников и людей, не имевших военной подготовки; во 2-й дивизии «рядовых необученных» было 3894 человека, младших командиров – 205; в 3-й дивизии до 50 % личного состава вовсе не имело военной подготовки). Обучение приходилось начинать с правильного наматывания портянок и умения есть ржаные сухари, не превращая рот в кровоточащую рану, но даже это искусство осваивали по пути на передовую. Например, 1-я ДНО генерал-майора Ф.П. Родина формировалась с 4 по 10 июля, а уже на следующий день занимала оборону на одном из участков Лужского рубежа; 2-я ДНО полковника Н. Угрюмова закончила формирование 12 июля, сутки спустя она прибыла на фронт и заняла позиции по реке Луге в районе Поречье, Ивановское, Сабск. Командный состав дивизий народного ополчения в подавляющем большинстве пришел из запаса и был слабо подготовлен к руководству ведением боевых действий, к примеру, в 3-й дивизии имелось шесть кадровых командиров.

Как вспоминает бывший боец Ижорского батальона С.В. Сорокин:

«...мы, бойцы маленького заводского отряда, пошли на войну, где смерть на каждом шагу, где нужно самому бить врага. Как бить – мы сами не знали. Бить, и все. Хоть кулаком, хоть винтовкой, но только бить! И в самом деле, что мы тогда могли противопоставить врагу? Свои военные знания? Их у нас не было. Боевой опыт? Его тоже не было. Оружие? Сначала оно у нас было очень плачевным. Что же тогда? Грудь! И мы ее подставили».

10—14 июля 1-я Кировская, 2-я Московская и 3-я Фрунзенская дивизии народного ополчения были переданы Лужской оперативной группе и «выбыли на боевые рубежи». Несколько позже была укомплектована 4-я ДНО под командованием полковника П.И. Радыгина численностью 4267 человек, которую называли еще «легкострелковой» или «дивизией облегченного типа по вооружению и численному составу». Что это означает, можно легко представить, а можно и прочесть в воспоминаниях П.А. Чугая, бывшего механика-водителя 84-го танкового батальона: «3-го или 4-го подошли ополченцы 4-й дивизии. Вид у них был плачевный: многие без обмундирования, винтовка – только у старшего, у остальных – ничего».

Во второй половине июля началось формирование четырех гвардейских дивизий народного ополчения. Почетное наименование, по мысли Жданова и Ворошилова, должно было означать, что эти дивизии укомплектованы «подлинной гвардией рабочего класса» (не эта ли идея подтолкнула Сталина к возрождению в Вооруженных силах гвардейских частей?). Утверждается, что рабочая гвардия была «вооружена несколько лучше», но главным оружием по-прежнему оставалась грудь.

Со временем дело с вооружением поправили, дивизии народного ополчения переименовали в стрелковые, но принципы формирования новых соединений не изменились. К концу

1941 года немцы разгромили и уничтожили 186 советских дивизий – это 109 % от имевшихся на 22 июня. От кадрового состава Красной Армии осталось не более 8 %. Новые дивизии «лепились» пачками – только в 1941 году сформировано 419 дивизий и 305 бригад – и немедленно бросались на фронты, где командующие как раз проводили очередную очень-очень важную операцию, обещая товарищу Сталину всенепременно разгромить какого-нибудь «подлеца Гудериана» или взять Киев к годовщине пролетарской революции, жалуясь при этом на нехватку своих сил и непомерную мощь неприятеля и требуя от Верховного пополнений, пополнений, пополнений. Снова свежееиспеченные солдаты уже в эшелонах учились наматывать портянки, впервые узнавали о существовании воинского Устава, вступали в бой и погибали, не успев запомнить фамилию своего непосредственного начальника. Поскольку потери при такой методе были огромны, боевой опыт сохранялся и накапливался мучительно долго. Подобная практика сохранялась до самой Победы. В этом смысле всю Красную Армию времен Отечественной войны можно назвать Армией Народного Ополчения.

Помимо дивизий народного ополчения в Ленинграде в июле – августе создавались и другие добровольческие формирования: истребительные и партизанские отряды, рабочие батальоны.

Было также сформировано семь партизанских полков общей численностью 6600 человек, в состав которых, помимо гражданских добровольцев, милиционеров, сотрудников НКВД, вошло около 1000 пограничников. Шесть таких полков-самоубийц перебросили в тыл врага уже в первой половине июля. Это была непродуманная авантюра, обреченная на закономерный финал. Во-первых, громоздкие формирования, не имевшие замаскированных баз и средств связи, были лишены маневренности и скрытности, не умели и не имели возможности использовать партизанскую тактику, легко выявлялись противником. Во-вторых, задачи им ставились совершенно не партизанские, а именно «борьба с частями вражеской армии». В результате вооруженные лишь стрелковым оружием, слабо подготовленные в военном отношении полки действовали в основном в прифронтовой полосе, где насыщенность немецких войск была максимальной, вступали в открытый бой с регулярными частями противника, использовавшими танки, артиллерию и авиацию, и довольно быстро были уничтожены, не принеся особой пользы. Характерно, что тогда они назывались не партизанскими, а истребительными полками. Позже из их остатков, вернувшихся в Ленинград, были созданы отдельные диверсионно-разведывательные группы.

В целях подготовки необходимого резерва защитников города 13 июля было принято постановление о военном обучении всех мужчин в возрасте от 17 до 55 лет. Вводилась всеобщая обязательная военная подготовка населения. В составе всех добровольческих формирований из Ленинграда на фронт ушло около 160 тысяч человек.

В соответствии с решением СНК от 8 июля в городе, как и во всей стране, была введена карточная система распределения продуктов. Рабочие получали 800 грамм хлеба в день, служащие – 600 грамм, иждивенцы и дети – по 400 грамм. По карточкам выдавались также установленные нормы крупы, мяса, жиров и кондитерских изделий. Многие виды товаров еще свободно продавались в магазинах по твердым государственным ценам, а некоторые основные продукты можно было приобрести по коммерческой цене.

Для большинства обывателей война еще казалась чем-то далеким и не страшным: «Ожидали скорых побед нашей армии, непобедимой и лучшей в мире, как об этом постоянно писали в газетах. Первые военные дни в городе сложилась своеобразная праздничная обстановка. Стояла ясная, солнечная погода, зеленели сады и скверы, было много цветов. Город украсился бездарно выполненными плакатами на военные темы. Улицы ожили. Множество новобранцев в новехонькой форме деловито сновало по тротуарам. Повсюду слышалось пение, звуки патефонов и гармошек: мобилизованные спешили последний раз напиться и отпраздновать отъезд на фронт».

Несмотря на то что ход войны уже явно не вписывался в сюжет военно-патриотических утопий писателей П. Павленко и Н. Шпанова, советский народ верил, что вот-вот грядет «большой день» и «наши стальные полки принесут свободу и счастье всему трудящемуся человечеству».

10 июля 1941 года является официальной датой начала битвы за Ленинград.

В этот день немецкие и финские войска одновременно нанесли удары на лужском, новгородском и старорусском направлениях, в Эстонии и Восточной Карелии.

На Онежско-Ладожском перешейке перешла в наступление армия «Карелия».

Фюрер германской нации в деле скорейшего овладения Ленинградом на «смелый народ» Финляндии, «преисполненный желанием мести», возлагал большие надежды. Хотя никакого формального соглашения с Рейхом подписано не было, и ничего конкретно финны немцам не обещали. Однако оказавшаяся после падения Норвегии и Франции между германским молодом и советской наковальной страна Суоми с четырехмиллионным населением при всем желании не имела никаких шансов на сохранение нейтралитета.

Горький опыт «зимней войны» 1939/40 года, непрерывное политическое давление и угрозы Кремля, бесцеремонное вмешательство во внутренние дела лишь укрепили убежденность финского народа во враждебности СССР. Финны стали искать политическую поддержку везде, где ее можно было найти. Неизгладимое впечатление произвели также оккупация и присоединение «к счастливой семье советских народов» независимых прибалтийских республик, осуществленные Красной Армией летом 1940 года. Финское правительство воочию увидело уготованное стране будущее. К тому же до финнов дошли слухи о требованиях относительно Финляндии, предъявленных Молотовым во время ноябрьского визита в Берлин.

А Вячеслав Михайлович, обсуждая с Гитлером разграничение сфер интересов «в мировом масштабе» и планы выхода к Индийскому океану, упорно настаивал на том, что сначала Кремлю хотелось бы получить все, что причитается по секретному протоколу 1939 года, который выполнен не по всем пунктам: «Финский вопрос до сих пор остается неразрешенным... Советское правительство считает своим долгом окончательно урегулировать финский вопрос».

Причем «урегулирование» кремлевские мечтатели трактовали однозначно – оккупация, советизация и «добровольное» присоединение Финляндии к СССР. Как ни уговаривал фюрер советского премьера войти в положение ведущей войну и экономически заинтересованной в финских и шведских поставках Германии, как ни просил обождать хотя бы год или полгода до заключения мира, Молотов был непреклонен, выражая решительное непонимание: с какой стати Советский Союз «должен откладывать реализацию своих планов на шесть месяцев или на год»? В самом деле, уже два месяца как подписан документ № 103203 – «Соображения по развертыванию вооруженных сил Красной Армии на случай войны с Финляндией».

25 ноября 1940 года Молотов передал в Берлин условия, на которых Советский Союз был готов присоединиться к Тройственному пакту для участия в совместном германо-итало-японо-советском проекте по перекраиванию карты мира. Первым пунктом в этом документе значится признание права Москвы на приватизацию Финляндии.

В тот же день нарком обороны Тимошенко направил командованию Ленинградского округа директиву о подготовке войны с «финской козьявкой». Директива ставила задачи «разгромить Вооруженные силы Финляндии, овладеть ее территорией» и выйти к Ботническому заливу. Хельсинки предполагалось «освободить» на 25-й день операции.

Финны опасались, что безусловный нейтралитет, которого они придерживались ранее, приведет лишь к войне одновременно против Германии и СССР. Предпочтительнее было вовремя выбрать одну из сторон. Перспективы дружбы со Сталиным вырисовывались достаточно ясно, а абсолютное большинство «белофиннов» категорически не желало перекрашиваться в «красных». Верховный главнокомандующий маршал К.Г. Маннергейм в одном из интервью сказал, что, с точки зрения финнов, переход на сторону Советского Союза означал

бы «то же самое, что поражение»: «Не было ничего удивительного в том, что настроения в народе отличались глубоким недоверием к Советскому Союзу. Могли ли мы доверять такому соседу, который начал войну с целью подчинить себе нашу страну и который после определения основных условий для мирного соглашения стал предъявлять новые требования?»

Западные державы помочь ничем не могли. В то же время Германия сама протянула руку, предложив заключить транзитное соглашение и организовать поставки военной техники. С осени 1940 года финны взяли курс на сближение с Рейхом. «Каждый понимал, – вспоминает Маннергейм, – что интерес Германии к Финляндии являлся для нас той соломинкой, за которую хватается утопающий, хотя никто не знал, как она нас сможет выдержать. Инициатива Германии дала Финляндии долгожданную передышку после более чем полугодового непрерывного на нее давления. На какое-то время требования русских прекратились».

Еще более тесному сотрудничеству двух стран способствовали действия советского руководства, внезапно в одностороннем порядке разорвавшего торговое соглашение и лишившее финнов поставок зерна, топлива и сырья. Вскоре более 90 % финского импорта приходилось на долю Германии.

В конце мая 1941 года в Зальцбурге состоялись финляндско-германские военные консультации, в ходе которых немцы намекнули на возможность вооруженного конфликта между Германией и СССР. Как указывает генерал Дитмар, по мнению разработчиков плана «Барбаросса» «решающей предпосылкой для ведения операций против Ленинграда с севера, а также операции по захвату Мурманской железной дороги было вступление Финляндии в войну на стороне Германии. Советский Союз сам способствовал этому. Затяжная под пустячным предлогом зимой 1939/40 года война, суровые условия Московского мира, которым она закончилась, и почти открытые угрозы самому существованию Финляндии со стороны Советского Союза явились причиной возникновения в финском народе чувства такого отчаяния и тревоги, что присоединение к сильной, стоявшей тогда в зените своего могущества, Германии казалось для финнов единственным выходом из создавшегося положения».

Впрочем, немцы на финнов не давили, конкретными планами не делились, беседы проводили в сослагательном наклонении, да и Финляндия не спешила с заверениями в союзнической верности, избегая любых обязательств. В июне была достигнута договоренность о перемещении германских войск из Норвегии в финское Заполярье, а также о совместном ведении боевых действий в случае нападения Советского Союза на Финляндию. При этом президент страны Ристо Рюти особо подчеркнул, что Финляндия намерена оставаться нейтральной, пока сама не станет жертвой агрессии. Гитлер на сей счет особо не беспокоился, не сомневаясь, что «агрессия» состоится. Знал об этом и маршал Маннергейм: «Поле для маневра во внешней политике, если вообще можно было говорить о каком-либо поле, было очень ограничено, – продолжает Маннергейм. – На самом деле, можно было сказать, что все зависело, и независимость Финляндии в том числе, от отношений с Германией... Выбор между Германией и Советским Союзом завел нас в тупик... Финляндия не имела возможности свободно распоряжаться своей судьбой. В практическом плане не было никакой возможности остаться в стороне от приближающегося конфликта».

15 июня финское правительство получило телеграмму фельдмаршала Кейтеля, сообщавшую, что война с СССР неизбежна. Двое суток спустя была объявлена всеобщая мобилизация. Нейтралитет Финляндии к этому времени стоял под вопросом, чему способствовала переброска германских войск в Лапландию, разрешение немецким минным заградителям укрываться у финского побережья, а бомбардировщикам Люфтваффе приземляться 22 июня на аэродроме в Куовола.

В первый день германского нападения на Советский Союз русские самолеты атаковали финские военные корабли и береговые укрепления. Артиллерийские батареи советской базы на полуострове Ханко начали обстрел финской территории, а наши доблестные пограничники

в нескольких местах нарушили границу. Финны в безнадежных попытках сохранить нейтралитет три дня терпели эти безобразия. Армия получила приказ «избегать любых действий, которые могли бы дать русским повод для провокации». Дипломаты во всех столицах выражали протесты и разъясняли позицию своего правительства. В результате 24 июня и Лондон, и Берлин признали Финляндию нейтральной страной. Москву мирное разрешение ситуации не устраивало.

Несмотря на военные приготовления Финляндии, поводом к началу войны стали массированные советские бомбардировки, начавшиеся 25 июня 1941 года. Конечно, без объявления войны. Это правительства помещиков и капиталистов были обязаны придерживаться норм международного права, а первая в мире «республика трудящихся» ни с кем не воевала, а лишь оказывала помощь «угнетенным классам».

История Ленинградского военного округа с гордостью сообщает: «24 июня (*финский посол в это время пытался выяснить у Вячеслава Молотова, может ли Финляндия считать себя нейтральным государством*) Ставка Главного Главнокомандования Вооруженных сил СССР информировала Военные советы Северного фронта, Северного и Балтийского флотов, что на территории Финляндии сосредотачиваются немецкие войска и авиация для нанесения ударов по Ленинграду и захвата Мурманска и Кандалакши. Чтобы предупредить их нападение, советская авиация по указанию Ставки на рассвете 25 июня нанесла удары по восемнадцати аэродромам противника, совершив 487 самолето-вылетов. Было уничтожено 30 вражеских самолетов на земле и 14 сбито в воздушных боях. Удары по вражеским аэродромам продолжались и в последующие дни».

Заодно успешно отбомбились по финским городам и весям, включая Хельсинки и Турку.

Сотни тонн бомб обрушились на мосты, дороги, заводы, железнодорожные станции и жилые кварталы по всей стране. Причем, судя по воспоминаниям главного маршала авиации А.А. Новикова, поведавшего о «первой в истории советской авиации» многодневной воздушной операции, все было даже еще масштабнее:

«Последние приготовления, уточнение данных, короткие переговоры с командирами ависоединений, и на аэродромах заревели моторы. Воздушная армада из 263 бомбардировщиков и 224 истребителей и штурмовиков устремились на врага... Налет длился несколько часов, одна группа сменяла другую. Впервые в истории наших ВВС к одновременным действиям привлекалось такое количество боевой техники, причем на всем фронте: от Выборга до Мурманска».

Финны засчитали себе 26 сбитых бомбардировщиков, вылетающих на боевые задания, как правило, без истребительного прикрытия. Примечательно, что буквально за три дня до этого Сталин еще «боялся» всяческих провокаций. А вот теперь бомбит «чудесный грузин» соседа, ничего на самом деле не зная о планах «захвата Мурманска и Кандалакши». Но зато он еще свято верил, что Красная Армия могучими ударами перенесет боевые действия на чужую территорию.

На советско-финляндской границе уже развернулись и, «сверкая блеском стали», застыли в ожидании приказа 1-й и 10-й механизированные корпуса (примерно 1500 танков), которые начали выдвижение на исходные рубежи 17 июня 1941 года!

В тот же вечер на заседании финского парламента было заявлено, что война начинается с того же, с чего «зимняя война», – с нападения СССР. 26 июня президент Рюти в выступлении по радио объявил о состоянии войны между Финляндией и Советским Союзом, а финским войскам было разрешено открывать огонь по нарушителям границы.

Однако согласно советской трактовке событий агрессором выступала Финляндия:

«Советское правительство и Верховное Командование, не желая дать финской армии повод для открытия военных действий, приказали своим войскам не открывать огня до тех

пор, пока финские сухопутные части не перейдут в наступление... 23 и 24 июня финская авиация пыталась бомбардировать Ленинград, Кронштадт и города Карело-Финской ССР».

Однако факт остается фактом: финны на нас «внезапно» не нападали и Ленинград за всю войну принципиально не бомбили ни разу. Специальный приказ военно-воздушным силам категорически запрещал даже полеты над городом.

Главной целью Талвисоты (войны-продолжения) было объявлено возвращение утраченных в результате Московского мира территорий, далее все зависело от хода войны и желания немцев делиться приобретенным с «братьями по оружию». План кампании предусматривал три этапа: наступление севернее Ладоги и выход к реке Свирь и Онежскому озеру, «освобождение» Карельского перешейка и вступление в Карелию. Поскольку никаких наступательных планов финский Генштаб до этого не имел, ему потребовалось три недели на разработку операций и перегруппировку войск. В армию мобилизовали «все людские резервы страны, в том числе и призывников самых старших возрастов».

Для решения первой задачи была сосредоточена 100-тысячная группировка под командованием начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта Хейнрихса, в состав которой вошли 6-й и 7-й армейские корпуса, а также руководимая генерал-майором Ойноненем группа «О» – всего 5 пехотных дивизий, 1 кавалерийская и 2 пехотные бригады.

Им противостояли 54, 71 и 168-я стрелковые дивизии, 26-й (Сортавальский) укрепленный район и 55-я смешанная авиадивизия, входившие в 7-ю армию генерал-лейтенанта Ф.Д. Гореленко. Выдвинувшиеся на линию государственной границы советские войска особых сюрпризов от финнов не ожидали, оборонительных рубежей не готовили, информации о противнике не имели никакой, сосредоточение ударной группировки вдоль единственной в данном районе железнодорожной линии не заметили. А кого опасаться, финнов, что ли?

Товарищ Сталин, как всегда, правильно указал, что чухна белоглазая воевать толком не умеет. «Дурачки, – сказал величайший стратег всех времен и народов, подводя итоги «зимней войны», – сидят в дотах и не выходят, считают, что с дотами не справятся, сидят и чай попивают... А наступление финнов гроша ломаного не стоит. Вот за три месяца помните ли вы хоть один случай серьезного массового наступления со стороны финской армии?»

10 июля армия генерала Хейнрихса перешла в наступление, имея ближайшей целью выйти к северо-восточному побережью Ладожского озера, а в дальнейшем развивать успех на Петрозаводск и Олонец. Главный удар в стык 71-й и 168-й дивизий наносил усиленный пехотной бригадой 6-й корпус генерал-майора Хягглунда. Войска генерала Гореленко, растянутые на широком фронте (так, 71-я дивизия «держала» кордоном 125 км границы), отразить удар не сумели и начали отходить в восточном и юго-восточном направлениях. Через образовавшуюся брешь противник выдвинулся к станции Лоймола и 14 июля перерезал единственную железнодорожную коммуникацию в полосе 7-й армии. 16 июля финны захватили Питкяранту и достигли берега Ладоги, а следовавшая в авангарде 1-я пехотная бригада полковника Лагуса вышла к реке Тулокса. Армия Гореленко оказалась расчлененной на две части. Сортавальская группа – 168-я стрелковая дивизия, 74-й отдельный разведывательный батальон, один полк 71-й стрелковой дивизии и ее части усиления – оказалась отрезанной от основных сил и 21 июля была подчинена 23-й армии. Финны продолжали развивать наступление на трех направлениях: петрозаводском, олонецком и сортавальском.

В сложившейся обстановке Военный совет Северного фронта усилил 7-ю армию одним полком 198-й механизированной дивизии, полком 36-й противотанковой бригады, двумя горнострелковыми батальонами, двумя танковыми ротами и бронепоездом. Для ликвидации прорыва противника из частей и подразделений, направленных на Онежско-Ладожский перешеек, сформировали две оперативные группы: петрозаводскую под командованием генерал-лейтенанта М.А. Антонюка и южную генерал-лейтенанта В.Д. Цветаева. Эти группы ударами с

востока и юго-востока должны были уничтожить прорвавшиеся в район Ведлозеро, Сальми части врага и в дальнейшем овладеть станцией Лоймола.

23 июля войска 7-й армии после артиллерийской подготовки перешли в контрнаступление. Частям петрозаводской оперативной группы за два дня боев удалось продвинуться на несколько километров в западном направлении. Войска южной группы продвинуться вперед не смогли, а 24 июля были отброшены на восточный берег реки Тулокса.

Чтобы оказать содействие группе Цветаева, в тыл и фланг финского 6-го корпуса, на острова Лункулунсари и Мантинсари, катерами Ладожской военной флотилии были высажены два батальона из состава 4-й бригады морской пехоты генерал-майора Б.Н. Ненашева. Десанты высаживались в спешке, без подготовки, без огневого обеспечения и без оперативного взаимодействия с генералом Цветаевым, ради помощи которому все это и затевалось. Правда, что само по себе редкость, была произведена предварительная воздушная и наземная разведка, но неприятеля на островах она не обнаружила. Хотя он там был, успел оборудовать на Лункулунсарии, соединявшимся с материком дамбой, береговую батарею, а одна из разведгрупп исчезла бесследно. 24 июля морские пехотинцы высадились на остров Мантинсари, 27-го – на Лункулунсари. Однако финны имели возможность беспрепятственно наращивать свои силы, а десантники никакой поддержки не получали. Дальнейшие подробности истории нашего флота опускают, но, конечно, «десанты оттянули на себя часть вражеских сил», а в 4-й бригаде стало на два батальона меньше.

К концу июля линия фронта стабилизировалась на рубеже реки Тулокса.

Северо-Западный фронт в середине июля располагал 23 стрелковыми, 5 танковыми, 4 механизированными дивизиями, 1 стрелковой и 3 воздушно-десантными бригадами. Правда, в 22 дивизиях потери в личном составе и технике составляли более 50 %. Всего имелось около 300 тысяч человек.

В распоряжении фон Лееба для действий в Эстонии и нанесения удара по Ленинграду было 23 дивизии, в том числе 3 танковые и 3 моторизованные. Группа армий «Север» должна была правым флангом 4-й танковой группы отрезать Ленинград с востока и юго-востока. Закрепление успеха ударной группировки возлагалось на 16-ю армию. Фон Кюхлер получил задачу отсечь и уничтожить советские войска в Эстонии, захватить Моонзундские острова и главную военно-морскую базу Балтийского флота – Таллин.

Без оперативной паузы с рубежа Псков, река Великая немецкие моторизованные корпуса устремились к Луге и Новгороду.

Соединения 56-го моторкорпуса продвигались в направлении Порхов, Шимск, Новгород, нацеливаясь перерезать железнодорожную линию Москва – Ленинград в районе Чудово. Для глубокого обходного маневра Манштейн имел только две дивизии – 8-ю танковую и 3-ю моторизованную. Им предстояло преодолеть сильно заболоченную и лесистую местность, неблагоприятную для действий бронетехники. Но уже 10 июля 3-я мотодивизия в ожесточенном бою взяла Порхов, а 8-я танковая двигалась на Сольцы. Оборонявшийся на этом направлении 22-й стрелковый корпус (180-я и 182-я стрелковые дивизии) задержать противника не сумел. Корпус был эстонский, и значительная часть командиров и красноармейцев из его состава перешла на сторону противника.

41-й корпус Рейнгардта, прорвав оборону советских войск северо-восточнее Пскова, тремя дивизиями выкатывался на Струги Красные.

Все это время силами ленинградцев, местного населения и выдвигавшихся войск на северном берегу реки Луги строился оборонительный рубеж, протянувшийся от Финского залива до озера Ильмень, состоявший из двух полос протяженностью около 175 км и глубиной 10–15 км. Перед передним краем и в глубине устанавливались мины, копались противотанковые рвы, эскарпы, устраивались лесные завалы. Одновременно с оборонительными работами войска Лужской оперативной группы усиленно готовились к предстоящим сражениям, а неко-

торые части с 12 июля уже вели бои в предполье. Чтобы выиграть время на подготовку обороны на Лужском рубеже, Военный совет Северного фронта создал несколько отрядов заграждения и направил их на шоссе Луга – Псков. В эти отряды были включены стрелковые, артиллерийские и инженерные части. Здесь же с боями отходили соединения 11-й армии.

Поддержанные активными действиями авиации и сильной артиллерийской группировкой, советские части оказывали упорное сопротивление 41-му моторизованному корпусу, вынужденному из-за сильно пересеченной и заболоченной местности действовать исключительно вдоль единственной дороги на Лугу. 12 июля лобовое немецкое наступление, лишившись внезапности и маневра, завязло в районе Плюссы. Это заставило генерала Гёпнера отказаться от прямого прорыва на Лугу и повернуть главные силы Рейнгардта на северо-запад, оставив под Лугой только 269-ю пехотную дивизию генерала фон Лейзера.

Немецкие танкисты, совершив 170-километровый форсированный марш по лесным дорогам, считавшимся у нас непроходимыми для техники (впрочем, один из участников рейда тоже охарактеризовал пройденную трассу как трясину «самого гнусного характера»), в ночь с 13 на 14 июля скрытно вышли к реке в районах Ивановского и Сабска, в 20–25 км юго-восточнее Кингисеппа. Хотя перед подходом 1-й танковой дивизии мост у Сабска был разрушен, ей удалось захватить здесь плацдарм. Переправы у Ивановского, благодаря действиям диверсионных подразделений полка «Брандербург», 6-я танковая дивизия генерала Франца Ландграфа заняла неповрежденными и тоже перебралась на противоположный берег. Однако развить наступление с плацдармов не удалось. Монументальное советское исследование утверждает, что здесь сработали диверсанты из полка «Бранденбург». На самом деле два моста у Ивановского достались противнику целыми и невредимыми благодаря внезапности его действий и безалаберности охраны.

«Упорной и активной обороной выдвигавшихся от Ленинграда войск наступление германских подвижных частей было остановлено», – сообщает российский историк. Хотя, если быть точным, дело было совсем наоборот. Форсировав Лугу, Рейнгардт оказался в той же ситуации, что и Манштейн под Двинском: серьезного противника впереди практически не было, Ленинград лежал в двух переходах, «панцеры» ждали приказа атаковать, но вести дальнейшее наступление лишь подвижными соединениями без поддержки пехоты фон Лееб считал слишком рискованным предприятием. Основные силы группы армий «Север» и почти вся авиация, в соответствии с планом глубокого флангового охвата противника с юго-востока, были нацелены на озеро Ильмень и Новгород. Генерал Рейнгардт получил стоп-приказ.

Это позволило советскому командованию подтянуть к плацдармам дополнительные силы, которые выгружались из эшелонов прямо на глазах у немцев. Это прибыли на войну ленинградские дивизии народного ополчения. Их немедленно бросал в бой лично примчавшийся из Новгорода К.Е. Ворошилов. В небе господствовали советские самолеты, для нанесения ударов по переправам была привлечена авиация Балтфлота и 7-го истребительного корпуса ПВО.

«1-я стрелковая дивизия народного ополчения, – вспоминал руководивший обороной плацдарма генерал Эрхард Раус (*номера советских дивизий генерал путает*), – в сопровождении танков появилась перед нами утром, стремительно наступая на Ивановское по дороге, ведущей к деревне с запада. Она намеревалась захватить оба моста через Лугу в тот же день. Внезапный огонь хорошо укрытых немецких батарей заставил русскую пехоту отступить. Хотя вражеские танки сначала остановились в замешательстве, вскоре они снова двинулись вперед короткими рывками. Неопытная русская пехота следовала за ними, подгоняемая офицерами и комиссарами, которые угрожали солдатам пистолетами. Танки, постепенно набирая скорость, катились строем клина и уже грозили прорвать немецкую линию, когда внезапно заговорили наши 88-мм и 105-мм орудия, открывшие огонь из засад с дистанции не более 500 метров. После каждого выстрела поднималось облако дыма, отмечая попадания. Тем временем наша

артиллерия и пулеметы выкашивали ряды русской пехоты, следовавшей за танками. Атака русских выдохлась... Тем временем 3-я добровольческая дивизия народного ополчения, наступавшая от села Юрки, собралась на исходных позициях на опушке густого леса, подступавшего к Ивановскому с востока. Эта атака, проведенная без артиллерийской поддержки, началась ближе к вечеру. Русские наступали несколькими волнами по обе стороны дороги и бежали к дамбе по совершенно открытой местности. Наша артиллерия, которая раньше обстреливала районы сосредоточения, теперь обрушила огневой вал на эту желто-коричневую массу. Пулеметы и танковые пушки открыли бешеный огонь, засыпав противника смертоносными снарядами. Атака захлебнулась буквально через несколько минут, и результатом этого бессмысленного поступка была только ужасная бойня. Но даже после этого атаки до вечера повторились еще трижды и каждый раз завершались неудачей. В ходе атак русские понесли ужасающие потери, но не захватили ни пяди земли».

Дело дошло до того, что под брань маршала взобрался в танк и рванул разведывать врага сам командующий Северным фронтом, но «тридцатьчетверку» быстро подбили, а чудом спасшийся генерал Попов тут же получил фитиль «за безрассудную удаль». Хотя и самому маршалу СССР там делать было нечего, но не мог он руководить войной по карте, не той закалки был человек.

«На стиль деятельности Ворошилова конечно же влияли привязанности и представления периода гражданской войны, в ходе которой он сформировался как зрелый и крупный советский военачальник, – утверждает бывший командующий 23-й армией генерал А.И. Черепанов. – Он и тогда, мы знаем это, не отсиживался в штабах и не кланялся пулям. Но тогда и природа боя была иной. А его и теперь, в новых условиях, влекло в войска, на поле боя, хотя, конечно, увидеть, схватить здесь можно было не всю широкомасштабную картину происходящего, а только небольшую ее часть». Слова из песни «первый маршал в бой нас поведет» Климент Ефремович воспринимал буквально. Отсюда родился в Красной Армии целый ворошиловский эпос:

«Рассказывают, что в 1941 году Ворошилов, чтобы предотвратить отход отдельных наших подразделений на направлении главного удара немцев, бросился с группой офицеров наперерез отступавшим и тем восстановил положение, предотвратив прорыв фронта».

В отчете за этот период командир 41-го моторизованного корпуса писал:

«Для частей у предмостных укреплений наступило время упорной борьбы, связанной с большими потерями. Противник начал непрерывно атаковать их. Потом четыре недели солдаты основных дивизий, привыкшие к стремительным атакам и прорывам, вели здесь, глубоко зарывшись в землю, позиционную войну».

Поэтому правильней было бы сказать, что две дивизии Рейнгардта «упорной и активной обороной» сумели не только удержать, но и, отбив все атаки, расширить захваченные плацдармы.

Причем даже не дивизии, основные силы которых еще продолжали форсировать болота и мостить многокилометровые гати, а их передовые отряды. Так, первые шесть дней на плацдарме у Ивановского по несколько раз в день отбивала атаки, уничтожив при этом 78 советских танков, боевая группа полковника Рауса, в которой насчитывалось 1500 солдат, 36 гаубиц и полевых орудий, 9 противотанковых пушек, 12 зениток калибра 88 мм, 26 зенитных автоматов, 230 пулеметов и 60 легких танков, в основном чешских 35(t).

Ворошилов и Жданов быстро назначили виновных: командующего Лужской опергруппой «талантливого военачальника» К.П. Пядышева сначала сняли с должности за неумелое руководство войсками, нераспорядительность и безынициативность, а потом арестовали и отдали под суд за «контрреволюционные высказывания» и «неверие в наши силы» (в хрущевские времена гибель генерала инкриминировали «бериевской клике»). Полковник Н.С. Угрюмов был отстранен от командования 2-й ДНО.

36-я моторизованная дивизия генерал-лейтенанта Оттенбахера, очищая от советских войск восточное побережье Чудского озера, вышла к Гдовскому боевому участку, который сопротивлялся недолго.

Генерал Манштейн, оказавшийся вследствие задуманного Гёпнером маневра в еще более изолированном положении, все еще продолжал наступать. Его войска прорвались к Лужскому рубежу западнее Шимска.

Обстановка здесь резко обострилась. В приказе войскам Северо-Западного фронта от 14 июля главком направления подчеркивал, что над Ленинградом нависла прямая угроза вторжения и требовал от командиров частей «навести воинский порядок на фронте и в тылу, положить конец безволию, нерешительности и медлительности в действиях, не останавливаться перед крайними мерами, уничтожать трусов и паникеров на месте»:

«...В то время как войска Северного фронта мужественно бьются с озверелыми фашистско-шюцкоровскими полчищами на линии от Баренцева моря до Ханко и Таллина, героически защищают каждую пядь нашей родной советской земли, войска Северо-Западного фронта, не всегда давая должный отпор противнику, часто оставляют свои позиции, даже не вступая в решительное сражение, чем еще больше поощряют обнаглевшего врага. Отдельные паникеры и трусы не только самовольно покидают боевой фронт, но и сеют панику среди честных и стойких бойцов. Командиры и политработники в ряде случаев не только не пресекают паники, не организуют и не ведут свои части в бой, но и своим позорным поведением иногда еще больше усиливают дезорганизацию и панику на линии фронта.

Обнаглевший враг продолжает продвигаться вперед. Мною даны указания провести строжайшее расследование всех преступных случаев самовольного оставления фронта отдельными частями, командирами и бойцами и всех виновных, невзирая на ранги и старые заслуги, предать суду полевых трибуналов с применением самого сурового наказания, вплоть до расстрела».

Поскольку «обнаглевшая» 16-я немецкая армия наступала южнее озера Ильмень в направлении на Холм и Старую Руссу, между ее соединениями и 56-м моторизованным корпусом образовался разрыв в 200 километров.

Эту брешь советское командование решило использовать для срыва вражеского наступления на Новгород и разгрома прорвавшихся к Шимску соединений противника. В период с 14 по 18 июля по приказу маршала Ворошилова силами нескольких соединений 11-й армии был подготовлен и осуществлен контрудар с севера и с юга по флангам войск Манштейна в районе Сольцы. С воздуха операцию поддерживали 235 самолетов четырех авиационных дивизий и дальнего бомбардировочного авиакорпуса. Немецкие 8-я танковая и 3-я моторизованная дивизии были практически окружены и отрезаны от своих коммуникаций. С советской стороны их пытались уничтожить 3 стрелковые дивизии и переброшенная с Карельского перешейка 21-я танковая дивизия полковника Л.В. Бунина. Кроме того, операцию 11-й армии с юга обеспечивала 202-я механизированная, с запада 182-я стрелковая дивизии. Манштейн вспоминал: «Нельзя сказать, чтобы положение корпуса в этот момент было весьма завидным... Последующие несколько дней были критическими, и противник всеми силами старался сохранить кольцо окружения». Ожесточенные бои продолжались пятеро суток, в иные дни немцы отражали до семнадцати атак в день. Войска Манштейна, получая снабжение по воздуху, сумели продержаться до 18 июля, когда им на помощь подоспела дивизия СС «Мертвая голова». Кольцо окружения было прорвано, фронт восстановлен на рубеже Дно. Тем не менее немцев отбросили на 40 км, опасность их прорыва к Новгороду была временно ликвидирована.

«Кичливый враг, – ликует маршал Василевский; вроде бы крупный военачальник, а обстановку излагает на уровне ротного замполита, – был вынужден несколько отступить, а остатки его моторизованных соединений бежали в панике».

19 июля германское командование приказало войскам группы армий «Север» приостановить наступление на Ленинград и возобновить его только после подтягивания к Лужскому рубежу соединений 18-й армии и приведения в порядок частей 4-й танковой группы, которая потеряла к этому времени до 50 % материальной части. В конце июля Манштейн жаловался обер-квартирмейстеру ОКХ генералу Паулюсу, что в результате неправильного использования танковых войск на неподходящей для этого местности потери в людях в трех его дивизиях «за прошедшее время» достигли «уже 600 человек». Неясно, какой отрезок времени имел в виду танковый генерал, зато известно, что войска Северо-Западного фронта теряли до 2 тысяч человек убитыми, ранеными и пленными ежедневно.

Вынудив противника прекратить наступление на рубеже реки Луги, советские войска выиграли почти три недели для организации обороны на ближних подступах к Ленинграду, а также на подтягивание на это направление свежих сил.

В Эстонии 8-я армия под командованием генерала Ф.С. Иванова, переданная приказом Ворошилова от 14 июля в состав Северного фронта, двумя потрепанными стрелковыми корпусами успешно отражала атаки двух пехотных дивизий противника из 26-го армейского корпуса на рубеже Пярну, Тарту. Для содействия советским войскам и обеспечения озерных коммуникаций приказом от 3 июля была сформирована Чудская военная флотилия с главной базой в Гдове. Основу ее боевой мощи составили пять учебных колесных и винтовых пароходов дореволюционной постройки, принадлежавшие военно-морскому училищу имени Дзержинского. Имелось также несколько катеров и буксиров. 10–12 июля на посудины установили две 76-мм пушки Лендера и девять «сорокапятков», снятых с крейсера «Аврора». В результате такой модернизации получили канонерские лодки «Нарова», «Исса», «Эмба», «Плюсса» и посыльное судно «Уку».

Генерал Ф.С. Иванов, не обладая информацией о группировке и намерениях противника, умозрительным путем пришел к выводу, что немцы будут изо всех сил рваться к Таллину. Поэтому две трети армии он сосредоточил на своем правом фланге. Противник решил иначе. 22 июля, подтянув еще три пехотные дивизии, он возобновил наступление в Эстонии, ударом в стык 10-го и 11-го корпусов в направлении Пыльтсама, Мустве. Это направление с оперативной точки зрения считалось «важным», за эстонскими городками открывалась дорога на Нарву и далее в Ленинград. Но нашего войска там не стояло. Быстро продвигаясь на восток, практически не встречая сопротивления, немцы 25 июля достигли западного побережья Чудского озера в районе Мустве, отрезав 11-й стрелковый корпус от главных сил. Командование Северного фронта направило Военному совету 8-й армии вразумляющую шифротелеграмму:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.